

БЕСТСЕЛЛЕР

Вяленький цветочек

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Гейне назвал типографский станок «виноградным прессом мысли». Но смотря что в этот пресс положить. Типографские станки издательства «Эксмо» из сырья, поставляемого Виктором Пелевиным, отжимают нечто, что вслух назвать, как и само сырье, не вполне прилично.

Лиса, но не Алиса

Предыдущий роман автора «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда» (ДПП), опыт в жанре «олитературенной галиматии» (см. «МН» № 36, 2003), был закономерно увенчан скандально известной премией «Национальный бестселлер». Закономерность тут в том, что если Россия — это сырьевой придаток Запада, то у придатка и «образцовая» литература должна быть соответствующей по уровню деградации.

«Священная книга оборотня» эту традицию развивает. Если год назад читателя завораживала в «ДПП» битва Степы Михайлова с Жорой Сракандаевым и чисел 34 и 43 (за всем этим виделся Сорокин), то теперь предложено эпическое полотно из жизни оборотней. После успеха «Ночного дозора», искусственно созданного ураганной рекламой Первого канала, оборотни стали у нас персонажами, совершенно привычными в культуре, как прежде были пионеры или комсомольцы.

Первого оборотня (точнее, первую) зовут А Хули (что в переводе с китайского означает лиса А), она воплощена в виде 14-летней девички, занимающейся проституцией в Москве, подлинный возраст этой «Лолиты» — что-то около 2000 лет. Намеченная в «ДПП» китайская тема здесь получила мощное развитие, древнекитайская мистика использована обильно, история лис-оборотней описана настолько подробно, насколько это требуется для заполнения положенного роману объема (13 авторских листов). Хорошо раздуло объем и словоизвержение на тему «Матрицы»: все существует в реальности или в сознании, а если в сознании, то в чьем? Пелевин пишет об этом километрами, все это уже не вторично, а третично, но, как замечает сама А Хули, «экономика, основанная на посредничестве, порождает культуру, предпочитающую продавать созданные другими образы вместо того, чтобы создавать новые». Если Пелевин не может не уточнить, что создает не литературу, а товар, так и я в данном случае не литкритик, а товаровед.

Серый Волк

Второй оборотень — местный персонаж, Серый Волк, который поначалу явлен в миру как генерал-лейтенант ФСБ, красавец-молодец Александр Серый. Если Лиса — фольклор китайский, то здесь фольклор чисто русский: и волчина, и ФСБ. Впрочем, в процессе сексуальных отношений с хитрой китайской Лисой (!) Волк Шурик теряет изначальную маскулинность и начинает оборачиваться не красавцем Волком, а Черной Собакой (точнее, псом), которую, как вдруг догадывается А Хули, зовут непроницаемым словом из шести букв. Чтобы было понятно, о каком лингвистическом феномене идет речь, напомним, что именно это слово использовал в свое время Тимур Кибиров в «Послании Л.С. Рубинштейну»: «Надвигается, послушай, / надвигается... / Тише, тише, глуше, глуше / колыхания сердец». Лиса в романе тоже разъясняет: «Я читала про такую собаку с пя-

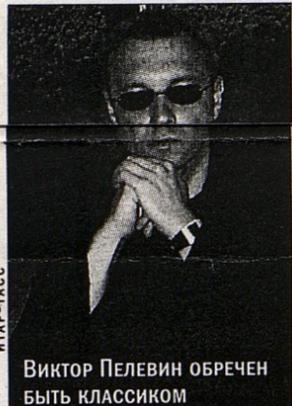
ющие энергию. Менее интересны описания трансформации генерала ФСБ в Серого Волка: это мы уже видали много раз в американском кино.

Китайский плагиат

Впрочем, Пелевин не прост. И потому он, скажем, не только пристроился в хвост к успеху «Ночного дозора», где действовали многочисленные оборотни и ведьма Алиса (А Хули не случайно имеет паспорт на имя Алисы Ли), не только наделяет свою А Хули энергетическим вампиризмом, но еще и успевает о фильме «Ночной дозор» с легкой иронией высказаться: русский гештальт наряду с прочим выражают «метафизические блокбастеры, в которых добро дает кормиться злу за то, что зло дает кормиться добру». Принцип железный: где ешь, там и гадишь. А что гадишь, то потом и предложил читателю съест.

Вообще-то унисонную китайскую лексику ввел в лите-

Оборотни стали у нас персонажами, совершенно привычными в культуре, как прежде были пионеры или комсомольцы

Виктор Пелевин обречен быть классиком

тью лапами... <вставлен об-сценнизм>. Он спит среди снегов, а когда на Русь слетаются супостаты, просыпается и всем им наступает...» Понятно, что наступает и кому.

Чтобы сразу с этой темой закончить, замечу, что обceneизмы встречаются в романе десятки раз. Не могу сказать, что они нужны для решения художественной задачи, но надо же было чем-то оживлять скучный роман. Хотя бы пусть будет неприлично: секс уже неинтересен, а русский маг в самый раз. И патриотично, и весело. Впрочем, есть и описание ремесла проститутки-оборотня с обильным использованием терминологии и техническими деталями магико-эротического действия пушистого рыжего хвоста. Вся эта клубничка подана легко, иронично, стебово — в точно выдержанном стиле Тутты Ларсен и Маши Малиновской с ее горячей десяткой sexu. Молодежи этот пустой пинг-понг словами должен понравиться, это привычный для нее язык, так что успех и культовость роману обеспечены. Особенным успехом должны пользоваться описания coitus'ов оборотней, в которых главную роль играют хвосты-антенны, эману-

ратуру Сорокин в «Голубом сале» (1999): бэнхуй, табень, дахуй, ханкун мудень... Хороший язык, уважительный, родственный. Русский с китайцем братья навек. Так что «А Хули», строго говоря, может интерпретироваться как плагиат. А в то же время может и как пародия на главного конкурента (тем более что тема «голубого» в романе муссируется). Умение сделать амбивалентной творческую немощь и вторичность и даже закосить под постмодернизм — второе счастье.

В свою очередь, примитивность фабулы Пелевин пытается компенсировать также и разного рода интеллектуализмами: от рассуждений о Набокове, Фрейде, Беркли, Борхесе, «Матрице», Алистере Кроули до фрейдистской трактовки сказки «Аленький цветочек» и умных разговоров, которые с лисой-проституткой ведет пожилой гуманитарий-мазохист, пока она стегает его (за его же деньги) Русской Плетью. «Раньше он был правым либералом... но после известных событий раскаялся настолько, что взял на себя личную ответственность за беды Отчизны. Чтобы успокоить душу, ему надо было раз или два в месяц принять

Только что вышедшая книга, как «Плейбой», упакована в целлофан

бичевание от Юной России, которую он обрек на нищету, вынудив вместо учебы в университете зарабатывать на жизнь бичеванием пожилых извращенцев.

Зная любовь Пелевина к сведению счетов посредством романов, нетрудно в этом пожилом гуманистари узнать одного литкритика, которого за политические выверты юноша назвал «Прав Александрович». В романе его зовут Павел Иванович, под плеткой он любит поговорить о русской интеллигенции, что отсылает к выпоротому Васи суалию Лоханкину... Этот слой романа и вовсе обращен к посвященным. К интеллектуально-ироническому слою романа, по замыслу автора, относится и упоминание булгаковского Шарика, который на самом деле был видным московским антропософом, учеником Штейнера, в 1925 году трансформировавшегося в сверхоборотня.

Нефтепромысел

Но и это не все. Как и в «ДПП», в новый роман введено еще и несколько политиче-

ски остреньких констатаций, которыми А Хули делится в письме к сестричке, живущей в Англии: «...Бизнес-комьюнити, пресмыкающееся перед властью, способной закрыть любой бизнес в любой момент, поскольку бизнес здесь неотделим от воровства. А «аппарат» — это власть, которая кормится откатом, получаемым с бизнеса. Выходит, что первые дают воровать вторым... Реформы, про которые ты слышала, вовсе не что-то новое. Они идут здесь постоянно, сколько я себя помню. Их суть сводится к тому, чтобы из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый. Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано».

К политическому слою романа относится и описание Нефтеперегоньевска (прибывающих встречает плакат «КУКИС-ЮКИС-ЮКИС-

ПУКС!»). В тундрном Нефтеперегоньевске (ср., кстати, со Скотопригоньевском в «Братях Карамазовых») кончается нефть, и полковник ФСБ Михалыч и генерал-лейтенант ФСБ Шурик Серый, оба обернувшиеся волками, вокруг под присмотром других эфебэшников на череп Пестрой Коровы (из сказки «Крошечка-Хаврошечка») и вымалывают у этой Коровы новую нефть, без которой Россия не может существовать. Это центральная сцена романа, центральная по сюжетной важности, напряженности патриотизма и глупости. Все Вервольфовичи у нас на службе в ФСБ! Когда страна быть прикажет героем... и т.д. Плач Волка-Шурика вызвал волшебное появление нефти, и за это ему тут же дают орден «За заслуги перед Отечеством». Видимо, Пелевин и менеджеры «Эксмо» думают, что это смешно. Или патристично. Или вообще А Хули думать? Работать надо, по «клаве» стучать, тиражи отгужать.

Ближе к финалу выясняется, что волки ФСБ ловят офшорных котов и вообще большие русские патриоты, Шурик же навсегда оборотился в черную собаку, получил звание генерал-полковника и бдит по части супостатов. То ли это за ФСБ и патристично, то ли против и антипатристично... Завершается роман заповедями оборотней. То есть оказывается посланием, священной книгой, которую А Хули оставляет на века другим оборотням, а сама, осознав, что она сверхоборотень, уходит в пустоту, столь любимую Пелевиным с 1996 года.

В целом роман и получился очередным симулякром: 80 процентов объема занято скучной китайской мистикой, описаниями повадок и мыслей оборотней, а также бесконечными доморощенными силлогизмами на темы «Матрицы». Остальные 20 — вкрапления, благодаря которым этот фаст-фуд должен понравиться, как доллар, сразу всем. Плюс обсеенная лексика: о романе сразу загудят-заспорят, несет она художественный смысл или нет, что даст бесслатный пиар, усилит коммерческий успех и увеличит объем продаж. Так это шуйля сделано.

Менеджеры водят Пелевиным, как авторучкой.

Он обречен быть классиком.

Примечание. «Шуйля», согласно «Голубому салу», — поило для скота.